

Karpacka Państwowa Uczelnia im. Stanisława Pigonia w Krośnie stała się 17 i 18 września 2019 roku forum owocnej wymiany intelektualnej, poświęconej osobie i dziełu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego (1999–2000). Uczni z kraju i zagranicy, zgłębiający od dawna – na gruncie polskim, rosyjskim, włoskim i francuskim – literacko-filozoficzne konteksty twórczości Herlinga, spotkali się teraz na Podkarpaciu z badaczami młodymi, dla których dzieło pisarza nadal stanowi atrakcyjny temat. Jako niezłomny świadek łagrowej rzeczywistości Herling opowiedział o niej przecież w swym *Innym Świecie* na długo przed *Sołżenicynem*. Był antysowiecki, ale nigdy antyrosyjski. Już od początku lat siedemdziesiątych kształtował myślenie czytelników w komunistycznej Polsce, gdzie był objęty całkowitą cenzurą. Kolejne części *Dziennika pisanego nocą*, wydawanego na emigracji przez paryską „Kulturę”, były w kraju rozchwytywane. Przez długie lata – „świętokrzyski Pielgrzym”, wygnaniec, pozostający jednak zawsze polskim pisarzem na emigracji – komentował z oddalenia, rozpoznawalnym głosem, przełomowe wydarzenia w Polsce, w Europie i na świecie. Mistrz analizy i syntetycznego opisu – potrafił jak nikt zgłębiać ludzkie zachowania w sytuacjach ekstremalnych, stale wierząc, że człowiek nie musi ulegać złu.

ISBN 978-83-64457-58-6

9 788364 457586

Karpacka Państwowa Uczelnia w Krośnie

BIBLIOTHECA PIGONIANA

III

Gustaw Herling-Grudziński. Między Wschodem a Zachodem

BIBLIOTHECA
PIGONIANA

| TOM III

*Gustaw Herling-Grudziński
Między Wschodem
a Zachodem*

Bibliotheca Pigo-niana

Karpacka Państwowa Uczelnia w Krośnie

BIBLIOTHECA PIGONIANA

| TOM III

BIBLIOTHECA
PIGONIANA

| TOM III

Gustaw Herling-Grudziński
Między Wschodem
a Zachodem

Praca zbiorowa pod redakcją
Grzegorza Przebindy
Bartosza Gołąbka
Wojciecha Gruchały

KROSNO 2020

Wydawnictwo Humanistyczne Pigionium
Karpcka Państwowa Uczelnia w Krośnie

Bibliotheca Pigioniana
tom III

Redaktor serii
prof. dr hab. Grzegorz Przebinda

Recenzenci
prof. dr hab. Arkadiusz Morawiec
dr hab. Paweł Panas

Opieka redakcyjna nad tekstem i adiustacja
Joanna Kułakowska-Lis

Opieka redakcyjna nad tekstami anglojęzycznymi
Joanna Ziobro-Strzępek

Korekta
Joanna Kułakowska-Lis, Leokadia Styrz-Przebinda, Igor Przebinda

DTP
Interline SC, Małgorzata Punzet, Piotr Hrehorowicz

Projekt graficzny i projekt okładki
Piotr Hrehorowicz

Ilustracja na okładce
Fot. Bohdan Paczowski, archiwum Elżbiety Sawickiej

ISBN 978-83-64457-58-6

Druk i oprawa
Oficyna Drukarska Jacek Chmielewski

Wydawnictwo Humanistyczne Pigionianum
Rynek 1, 38-400 Krosno
<https://kpu.krosno.pl/wydawnictwo-pigionianum>

Wydawca
Karpacka Państwowa Uczelnia w Krośnie
Krosno 2020

Spis treści

- Grzegorz Przebinda
- 9 **Drugie życie Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.
Próba świadectwa**
- Włodzimierz Bolecki
- 22 **Twórczość Gustawa Herlinga-Grudzińskiego.
W setną rocznicę urodzin pisarza**
- Część I** **Wschód – opowiedzieć inny świat**
- Irena Furnal
- 53 **Dobryś Bryczkowska i Jacob Josef Herling-Grudziński**
- Feliks Tomaszewski
- 93 **Długie terminowanie.
Gustaw Herling-Grudziński i rosyjskość**
- Tadeusz Sucharski
- 121 **Czy *Inny Świat* jest rzeczywiście inny?
Dzieło Herlinga na tle pierwszych tekstów łagrowych**

Izabella Sariusz-Skańska
149 **Pamięć zakłamana, pamięć odzyskana, pamięć zbanalizowana:
na przykładzie doświadczenia Zbrodni Katyńskiej**

Jędrzej Piekara
167 **Michaił Heller i Gustaw Herling-Grudziński –
trzydzieści lat przyjaźni i współpracy**

Grzegorz Przebinda
189 **Надежда в Мёртвом доме: встречи Герлинга-Грудзинского
с Шаламовым**

Leonid Malcew
221 **Густав Герлинг-Грудзинский и Борис Пастернак:
художественно-эстетический аспект**

Część II Zachód – emigracja, los

Jacek Hajduk
239 **Capri, Tyberiusz i Herling-Grudziński**

Irina Adelgejm
257 **Лик Бога, лик Судьбы: тень *terremoto* как
инструмент адаптации**

Maria Delaperrière
273 **Francja w oczach Herlinga**

Domenico Scarpa
289 **Obóz koncentracyjny i łagier.
Levi i Herling, pisarze odpowiedzialności**

Roman Sosnowski
309 **Moje spotkanie z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim
w Neapolu w 1992 roku**

Elżbieta Sawicka
317 **Po rozstaniu z „Kulturą” paryską.
Ostatnie lata Gustawa Herlinga-Grudzińskiego**

Janusz S. Gruchała
333 **Uzupełnienie do bibliografii Gustawa Herlinga-Grudzińskiego**

Grzegorz Przebinda

Uniwersytet Jagielloński, Karpacka Państwowa Uczelnia
w Krośnie

Filolog rusycysta, historyk idei. Profesor Uniwersytetu Jagiellońskiego i Karpackiej Państwowej Uczelni w Krośnie, w latach 2012–2020 – rektor krośnieńskiej uczelni. Autor około 400 publikacji – po polsku, rosyjsku, francusku, ukraińsku, angielsku, białorusku, czesku i fińsku – w tym dziewięciu książek na temat kultury i historii Rosji, Ukrainy i Białorusi, także ich związków z dawną i nową Polską. Autorskie edycje książkowe: *Włodzimierz Sołowjow wobec historii* (Kraków: Arka, 1992), *Mikołaj Czernyszewski. Późny wnuk Oświecenia* (Katowice: Śląsk, 1996), *Od Czaadajewa do Bierdiajewa. Spór o Boga i człowieka w rosyjskiej myśli filozoficznej (1832–1922)* (Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1998), *Zaułki Mistrza Wolanda* (Kraków: Oficyna Literacka, 2000), *Kto jest kim w Rosji po 1917 roku* (Kraków: Znak, 2000), *Większa Europa. Papież wobec Rosji i Ukrainy* (Kraków: Znak, 2001), *Między Moskwą a Rzymem. Myśl religijna w Rosji XIX i XX wieku* (Kraków: Universitas, 2003), *Piekło z widokiem na niebo. Spotkania z Rosją 1999–2004* (Kraków: Znak, 2004), *Между Краковом, Римом и Москвой. Русская идея в новой Польше* (Moskwa: Rossijskij Gosudarstwiennyj Gumanitarnyj Uniwersitet, 2013). Przetłumaczył na polski – razem z żoną Leokadią Anną, synem Igorem i przy wydatnej pomocy córki Anety – *Mistrza i Małgorzatę* Michaiła Bułhakowa, opatrując wydanie filologicznym komentarzem (Kraków: Znak, 2016).

Надежда в Мёртвом доме: встречи Герлинга- Грудзинского с Шаламовым

Первая зафиксированная источниками встреча польского писателя-лагерника Густава Герлинга-Грудзинского (1919–2000) с его русским *alter ego* Варламом Шаламовым (1907–1982) – встреча, разумеется, не личная, а посредством слова и литературы – произошла в феврале-марте 1971 года при содействии издаваемого во Франкфурте-на-Майне русского журнала «Грани». Годом ранее этот значимый для русской эмиграции ежеквартальник опубликовал анонимную заметку о необычном литературном вечере, организованном в Москве в мае 1965 года и посвящённом памяти великого поэта-акмеиста – тоже лагерника – Осипа Мандельштама (1891–1938). В записи «Дневника, писавшегося ночью», датированной 14 марта 1971 года, в связи с поездкой в Стокгольм, Герлинг отмечает, что прочитал заметку в «одном из последних номеров “Граней”»¹, и сегодня нетрудно установить, что это был 77-й номер франкфуртского ежеквартальника за 1970 год². Имеет смысл привести вышеуказанную запись *in extenso*, поскольку она не только свидетельствует о первой встрече автора «Иного мира» с Варламом Шаламовым, но и является ключевым – к этому вопросу мы ещё вернемся – для более

¹ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1971–1972*. Warszawa: Czytelnik, 1995. S. 53–54. Третий том «Избранных произведений» («Pisma zebrane») Г. Герлинга-Грудзинского, опубликованных в 1994–2002 годах в двенадцати томах в редакции Здзислава Кудельского (Zdzisław Kudelski).

² Вечер памяти Мандельштама в МГУ (Под председательством И. Эренбурга) // *Грани. Журнал Литературы, Искусства, Науки и Общественно-Политической Мысли*. 1970. № 77. С. 82–88. Из этой заметки можно также узнать, что вечер состоялся 13 мая 1965 года на Механико-математическом факультете Московского государственного университета (МГУ) по инициативе студентов. Там же. С. 88.

глубокого понимания их последней встречи – посредством художественной эпитафии Герлинга-Грудзинского «Клеймо», созданной вскоре после смерти автора «Колымских рассказов» (1982).

Итак, в марте 1971 года Герлинг-Грудзинский писал: «В одном из последних номеров “Граней” (он у меня есть) опубликована заметка о мандельштамовском вечере в Московском университете в мае 1965 года. Вёл его Эренбург, а в первом ряду сидела Надежда Яковлевна³. Зал набит битком, на сцену поднимаются докладчики и студенты, читающие стихи Мандельштама. Наступает очередь докладчика, которого анонимный автор заметки описывает следующим образом: “Бледный, с горящими глазами, напоминает мне протопопа Аввакума, движения не координированы, руки всё время ходят отдельно от человека, говорит прекрасно, свободно, на последнем пределе – вот-вот сорвётся и упадёт”. Читает свой короткий рассказ о смерти поэта в лагере. Умирающий поэт неподвижно лежит на нарах, мысленно сочиняет последние стихи, столь прекрасные и чистые, что жизнь входит вместе с ними в истощённое тело. К ночи он умирает. Два дня соседи по бараку скрывают смерть, чтобы получить его *пайку*. “Мертвец поднимал руку, как кукла-марионетка. Стало быть, он умер раньше даты своей смерти – деталь немаловажная для будущих биографов”. Бледный и напряжённый докладчик с горящими глазами – Варлам Шаламов, автор совершенных в своём жестоком лаконизме “Колымских рассказов”. Он чудом выдержал на Колыме семнадцать лет, вернулся в Москву больным и совершенно глухим. Прав М.Г., сравнивая его с Тадеушем Боровским. “Каменный мир” Освенцима и Колымы»⁴.

Сегодня некоторые из приведённых выше фактов нуждаются в филологическом уточнении, комментарии, расшифровке. Во-первых, очевидно, что с отдельными произведениями из цикла «Колымские рассказы» Шаламова Герлинг познакомился ещё до прочтения в марте 1971 года заметки о поэтическом вечере Осипа Мандельштама в Москве. Правда, в своём «Дневнике...», который в то время как раз начинает печататься в парижской «Культуре»,

³ Надежда Мандельштам (1899–1990) – жена Осипа Мандельштама, спасла для потомков его стихи, написала две значимые книги мемуаров о муже и его эпохе. Герлинг сразу же высоко оценил в своём «Дневнике, писавшемся ночью» (6 марта 1971, 30 апреля 1972) изданные в 1970 году в Нью-Йорке «Воспоминания» и опубликованную в 1971 году в Париже «Вторую книгу». Ср.: *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1971–1972*. S. 48–50, 181–184.

⁴ *Ibid.* S. 53–54.

польский писатель ни словом не обмолвился о том, что в вышеупомянутом номере «Граней», который у него «под рукой», также были опубликованы шесть из «Колымских рассказов» Шаламова⁵. Однако упоминание «М.Г.», сумевшего по прочтении Шаламова и Боровского разглядеть родство «Освенцима и Колымы», представляется весьма значимым. Инициалы «М.Г.» принадлежат русскому историку-эмигранту Михаилу Геллеру, с 1969 года – постоянному сотруднику парижской «Культуры», который впоследствии посвятит Шаламову важную главу своей книги «Концентрационный мир и советская литература» (1974)⁶, а в 1978–1985 годах издаст в Лондоне и Париже два бесценных тома колымских и других рассказов Шаламова⁷. Герлинг начал общаться с Геллером весной 1969 года, сразу после того, как тот принял решение эмигрировать и навсегда перебрался из Варшавы в Париж⁸. И именно от него – от «всезнающего М.Г.»⁹ – Герлинг почерпнул первые сведения о Шаламове,

⁵ *Шаламов В. Аневризма аорты, Припадок, Кусок мяса, Бизнесмен, Женщина блатного мира, Сергей Есенин и воровской мир // Грани. Журнал Литературы, Искусства, Науки и Общественно-Политической Мысли. 1970. № 77. С. 15–48.* Примечательно, что уже в предыдущем номере «Граней» увидели свет девять других колымских рассказов. *Шаламов В. Эсперанто, Инженер Киселёв, Лагерная свадьба, Татарский мулла и чистый воздух, Последний бой майора Пугачёва, По лендлизу, Любовь капитана Толли, Менделист, Погоня за паровозным дымом // Грани. 1970. № 76. С. 3–15.*

⁶ *Геллер М. Полюс лютости: Варлам Шаламов // Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1974. С. 281–298.* Ср. польск. пер.: *Heller M. Kręgi piekielne: Warłam Szalamow. Aleksander Solżenicyn // Idem. Świat obozów koncentracyjnych a literatura sowiecka / przeł. M. Kaniowski [J. Pomianowski]. Paryż: Instytut Literacki, 1974. S. 266–292.* Автором предисловия к польскому изданию, озаглавленного «Диагноз – рак» («Diagnoza рака», s. 7–10) был Густав Герлинг-Грудзинский.

⁷ *Шаламов В. Колымские рассказы / предисл. М. Геллера. Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1978; Шаламов В. Воскрешение лиственницы / предисл. М. Геллера. Париж: YMCA-Press, 1985.*

⁸ Из беседы Эльжбеты Савицкой с Михаилом Геллером «История ожидания чуда» (октябрь 1994): «Я оказался в Мезон-Лаффит весной 1969 года, вскоре после приезда во Францию. До этого я двенадцать лет жил в Польше. Господин Ежи Гедройц предложил мне вести обзор советской прессы. Я не знал, получится ли у меня, но решил попробовать. Я возвращался в Париж на электричке вместе с Густавом Герлингом-Грудзинским. Тогда он сказал мне, что подобная хроника имеет смысл только в том случае, если вести её достаточно долго». *Sawicka E. Przystanek Europa. Rozmowy nie tylko o literaturze. Warszawa: Oficyna Wydawnicza MOST, 1996. S. 98.* Начало сотрудничеству положил текст «Большой террор», опубликованный в № 5 (260) «Культуры» за 1969 год (s. 127–132). Геллер с самого начала взял постоянный псевдоним – Адам Кручек. Начиная с № 6 (261) «Культуры» его тексты публиковались под постоянной рубрикой «Из советской прессы» («W sowieckiej prasie»).

⁹ «Дневник Надежды Мандельштам открывается фразой: “Дав пощёчину Алексею Толстому, Осип Эмильевич немедленно вернулся в Москву”. Проверить, непременно проверить у всезнающего М.Г., за что Мандельштам дал пощёчину Толстому». *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1971–1972. S. 70.*

который, кстати, к тому моменту уже несколько лет издавался на русском языке в Нью-Йорке, Франкфурте-на-Майне и Париже. Впервые четыре из «Колымских рассказов» увидели свет – без согласия и ведома автора! – в 1966 году, в нью-йоркском ежеквартальнике «Новый журнал»¹⁰. Публикацию предваряло предисловие главного редактора, Романа Гуля: «Рукопись этих рассказов мы получили с оказией из СССР. Автор их В.Т. Шаламов, поэт и прозаик, прошедший в концентрационных лагерях около 20 лет. Мы печатаем «Колымские рассказы» без согласия и ведома автора. В этом мы приносим В.Т. Шаламову наши извинения. Но мы считаем нашей общественной обязанностью опубликовать «Колымские рассказы» как человеческий документ исключительной ценности»¹¹.

В последующие годы нью-йоркский «Новый журнал» не раз публиковал отдельные рассказы Шаламова, и информация о них не могла не дойти до чрезвычайно интересовавшихся свободной Россией польских эмигрантских кругов в Париже – прежде всего, до Ежи Гедройца¹². Кстати, знакомство редактора «Культуры» с Гулем в Париже состоялось раньше¹³, чем тот в 1966 году начал издавать в Нью-Йорке «Новый журнал». В беседе с Барбарой Торунчик Гедройц упоминал, что «Колымские рассказы» произвели на него ошеломляющее впечатление, ещё более сильное, чем впоследствии произвёл «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына¹⁴. Гуть сразу предложил Гедройцу издать Шаламова в переводе на польский, однако редактор «Культуры» не располагал на тот момент достаточными средствами, к тому же, задача найти хорошего переводчика оказалась невыполнимой¹⁵.

Сам Густав Герлинг-Грудзинский впоследствии отмечал – в записях «Дневника...» 15 апреля 1998 года – что с переводом Шаламова

¹⁰ Шаламов В. Колымские рассказы: Сентенция. – Кант. – Посылка. – Сухим пайком // Новый журнал. 1966. № 85. С. 5–34.

¹¹ Шаламов В. Колымские рассказы... С. 5.

¹² 2 апреля 1969 года Гедройц писал в письме к Чеславу Милошу: «Что касается русских текстов, обрати внимание на “Колымские рассказы”, которые Гуть из номера в номер публикует в “Новом журнале”. Это подлинный талант и подлинное свидетельство». *Giedroyc J., Miłosz Cz. Listy 1962–1964* / oprac. M. Kornat. Warszawa: Czytelnik, 2011. S. 218.

¹³ *Giedroyc J. Autobiografia na cztery ręce* / oprac. i posłowiem opatrzył K. Pomian. Warszawa: Czytelnik, 1994. S. 181.

¹⁴ *Toruńczyk B. Rozmowy w Maisons-Laffitte*, 1981. Warszawa: Fundacja Zeszytów Literackich, 2006. S. 96.

¹⁵ *Literatura rosyjska w kręgu «Kultury». W poszukiwaniu ztraconej solidarności*. Т. 1 / red. P. Mitzner. Paryż–Kraków: Instytut Literacki Kultura; Instytut Książki, 2016. S. 16.

не справился тогда даже Ежи Помяновский, опытнейший переводчик Александра Солженицына и Исаака Бабеля. Поэтому лишь в 1991 году (уже в новой Польше) в Гданьске был издан перевод всего корпуса «Колымских рассказов», сделанный – что знаменательно, также прошедшим через лагерь – Юлиушем Бачинским¹⁶: «“Культура” принимала <...> участие в подготовке польского издания в Гданьске. Гедройц уже давно мечтал о польском Шаламове, но все заказанные нами пробные фрагменты перевода читались со смешанными чувствами, подвёл даже Ежи Помяновский, блестящий переводчик Чехова, Бабеля, Солженицына и многих других. Мы уже готовы были отказаться, когда в Мезон-Лаффит приехал человек из Гданьска, весьма симпатичный инженер Альфред Рахальский¹⁷. Он обещал найти издателя и переводчика в Гданьске. <...> Итак, переводчик в Гданьске. Инженер Юлиуш Бачинский. Очень хороший, ухвативший, наконец, существо прозы Шаламова. Каким чудом? <...> Почему гданьский инженер уловил то, что не далось переводчику уровня Помяновского. <...> Секретом блестящей прозы, приметой великого писателя является аура, свойство, не идентичное стилю. Перевод того, кто не способен передать эту ауру повествования Шаламова, будет верным и добросовестным, но в плане интонации достаточно далёким от оригинала. Инженер Юлиуш Бачинский никогда не занимался литературным творчеством, но просидел десять лет в советских лагерях. Дело не в том, что лагерная лексика у него на слуху, дело в слухе экзистенциальном и ситуативном»¹⁸.

¹⁶ Трёхтомное издание, опубликованное в гданьском издательстве «Атекст» (1991): 1. *Pierwsza śmierć*, 2. *Lewy brzeg*, 3. *Artysta łopaty*. Первый том открывался предисловием «От переводчика» («Od tłumacza». S. V–VI) и польским переводом «Предисловия к первому русскому изданию», авторства Михаила Геллера (s. VII–XVI), а также заметкой «От издателя» (s. XVII). Третий том и всё издание целиком (s. 271–276) завершались своеобразным послесловием – рассказом «Клеймо» Густава Герлинга-Грудзинского.

¹⁷ Профессор Политехнического института в Гданьске Альфред Рахальский с конца 1970-х годов – уже выйдя на пенсию – привозил с Запада запрещённые книги, а позже хранил в своей библиотеке почти всю серию парижского Литературного института, все подшивки «Культуры» и журнала «Исторические тетради» («Zeszyty historyczne»). Прочтя «Колымские рассказы» Шаламова в оригинале, на рубеже 1980–1990-х годов он нашёл для них переводчика, которому затем помогал, выступая в качестве наборщика на машинке, корректора и издателя. Информация взята с сайта Тадеуша Буры-младшего. URL: <http://btx.gd.pl/prof-ara.html> (дата обращения: 13.10.2019).

¹⁸ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1997–1999*. Warszawa: Czytelnik, 2000. S. 182–183 (Pisma zebrane, tom 11). Пользуясь случаем, Герлинг критически оценил также новый итальянский перевод «Колымских рассказов», о чём писал 15 апреля 1998 года: «Сейчас, в связи с издательской инициативой “Эйнауди”, я просматриваю итальянский перевод “Колымских рассказов”. Серджио Рапетти, опытный и заслуженно уважаемый переводчик с русского

Вернёмся однако к первым встречам Герлинга со свободной русской литературой. Знаменательно, что в изданных в 1969 году «Призраках революции» – сборнике блестящих эссе, в основном уже опубликованных ранее на страницах парижской «Культуры»¹⁹ – имени Шаламова нет. Активно издаваемые с 1966 года на Западе²⁰ «Колымские рассказы» всё же, видимо, поначалу прошли мимо автора «Иного мира». Вероятно, он начал читать их лишь по совету Михаила Геллера, который в 1969 году обосновался в Париже, поддерживал связи с польской эмиграцией и различными тайными путями получал из Москвы очередные шаламовские рукописи²¹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 30 июня 1972 года Герлинг ставит «Колымские рассказы» в ряд величайших шедевров русской прозы XX века – вместе со вторым томом воспоминаний Надежды Мандельштам, «Доктором Живаго» Пастернака, прозой Солженицына и Платонова, «Мастером и Маргаритой» Булгакова²². Герлинг мог уже знать, что четырьмя месяцами ранее московская «Литературная газета» опубликовала письмо Шаламова,

языка, тоже, к сожалению, подводит». Ibid. S. 183. В свою очередь, Ежи Помяновский, когда в 2004 году его попросили прокомментировать суровый вердикт Герлинга относительно его попыток перевода Шаламова, отвечал: «Шаламова переводили разные люди, я тоже перевёл несколько его рассказов. Густава Герлинга я знал ещё по довоенному периоду. Я ценю его необычайно высоко. <...> Но то, что он написал о Шаламове, считаю несправедливым. Эти два или три перевода, которые Гедройц предложил мне сделать, думаю, в конце концов убедили бы Густава. Но он хотел дать понять, что это писатель слишком малоизвестный и очень трудный для перевода. Это в самом деле так, Шаламов – действительно феномен. Скажу честно: я считаю его стилистом гораздо более высокого уровня, чем Солженицын, хотя отношусь к Солженицыну не только с восхищением, но и, в определённом смысле, с нежностью. Я просто из верности Солженицыну не хотел переводить Шаламова. Кроме того, как и в случае с Бабелем, я считал, что нечестно было бы полностью наложить на него лапу». // Rozmowa Alicji Rosé i Andrzeja Serafina z Jerzym Pomianowskim (2004) // Literatura rosyjska w kręgu «Kultury». W poszukiwaniu zatraczonej solidarności. T. 1. S. 391.

¹⁹ Herling-Grudziński G. Od autora // Herling-Grudziński G. Upiory rewolucji. Paryż: Instytut Literacki, 1969. S. 7.

²⁰ См. прим. 5 и 10. Кроме того, в 1967–1972 годах в нью-йоркском «Новом журнале» были опубликованы двадцать шесть рассказов Шаламова, в 1973–1976 – ещё пятнадцать. См.: The New Review Новый Журнал. Систематический указатель содержания 1942–2000. №№ 1–209. С. 13. URL: <http://newreviewinc.com/pdf/all.pdf> (дата обращения: 13.10.2019). См. также: Шаламов В. Калигула, Почерк. Рассказы // Посев. 1967. 7 янв. С. 3–4; Шаламов В.Т. Две встречи, Чужой хлеб // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. 1969. № 3–4 (89–90). С. 90–94.

²¹ Ещё в 1972 году Геллер защитил в Сорбонне докторскую диссертацию о Шаламове, а в 1974 году в увенчавшей его исследования монографии обильно цитировал фрагменты рукописей писателя. Heller M. Świat obozów koncentracyjnych a literatura sowiecka. S. 118, 269, 272, 279, 282, 283.

²² Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1971–1972. S. 181.

где измученный жизнью и превратностями судьбы писатель гневно осуждал эмигрантские издания за публикацию своих рассказов. Он объявлял *urbi et orbi*, что никому не давал разрешения на эти публикации, поскольку проблематика колымских рассказов уже «давно снята жизнью», утратив – в постсталинском СССР, так следует это понимать – актуальность²³. Стилистика этого письма-декларации, написанного, к сожалению, агрессивным новоязом²⁴, чести, конечно, Шаламову не делала, однако сдержанный Герлинг никогда не критиковал своего собрата по лагерным баракам за это проявление слабости, и уж тем более – не порицал. Иначе поступил всезнающий Геллер, который летом 1972 года поспешил осудить Шаламова за «измену самому себе»: «В литературной жизни Советского Союза последних месяцев следует отметить одно событие, имеющее, к сожалению, сугубо внелитературный характер. “Литературная газета” опубликовала письмо автора “Колымских рассказов” – поэта и писателя Варлама Шаламова, автора, описывающего сталинские лагеря с таким глубоким реализмом, что его можно сравнить лишь с солженицынским. В письме этом Шаламов отрекается от своих текстов, утверждая, что всё то, о чём он писал, давно уже утратило актуальность. “Колымские рассказы” никогда не печатались на родине писателя²⁵, они были опубликованы в эмигрантских русских изданиях, а затем переведены на многие языки. И вот Шаламов, который провёл около двадцати лет в лагерях, не выдержал нового давления, внезапно сломался и изменил самому себе. И последствия

²³ Шаламов В.Т. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1972. 23 II. №8 (4346). С. 9.

²⁴ «<...> Я – честный советский писатель. Инвалидность моя не даёт мне возможности принимать активное участие в общественной деятельности. Я – честный советский гражданин, хорошо отдающий себе отчёт в значении XX съезда Коммунистической партии в моей жизни и жизни страны. Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков – по рассказу-два в номере – имеет целью создать у читателя впечатление, что я – их постоянный сотрудник. <...> Эти господа, пышущие ненавистью к нашей великой стране, её народу, её литературе, идут на любую провокацию, на любой шантаж, на любую клевету, чтобы опорочить, запятнать любое имя. И в прошлые годы, и сейчас “Посев” был, есть и остаётся изданием, глубоко враждебным нашему строю, нашему народу. Ни один уважающий себя советский писатель не уронит своего достоинства, не запятнает чести публикацией в этом зловонном антисоветском листке своих произведений. Всё сказанное относится к любым другим белогвардейским изданиям за границей. Зачем же им понадобился я в свои шестьдесят пять лет? Проблематика “Колымских рассказов” давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, “внутреннего эмигранта” господам из “Посева” и “Нового журнала” и их хозяевам не удастся!» // Там же.

²⁵ Неточность: один из этих рассказов – «Стланик» (1960) – увидел свет в СССР в середине 1960-х годов. Ср.: Шаламов В.Т. Стланик // Сельская молодёжь. 1965. № 3. С. 2–3.

измены ужасающи: сперва писателю велели отречься от своих книг, а затем – писать “то, что требуется”²⁶.

В более поздней, уже упомянутой монографии «Концентрационный мир и советская литература» (1974) Геллер тезис об «измене Шаламова», к счастью, не повторяет²⁷, и сравнивает его тексты с освенцимскими рассказами Боровского: «Варлам Шаламов провёл долгие годы в колымских лагерях, на самом дне ада, на “полюсе холода и жестокости”, как назвал Колыму Солженицын, вернулся на землю и рассказал о том, что видел и чувствовал. В лучшей из книг об Освенциме, в рассказах польского писателя Тадеуша Боровского есть, быть может, самая страшная фраза в европейской литературе. Герой, санитар лагерной больницы, играет в футбол, когда очередной транспорт ведут в газовую камеру. Он спокойно регистрирует: “Между двумя корнерами за моей спиной убили газом три тысячи человек”. У Шаламова мы находим, если это возможно, утверждение ещё более страшное. В пересыльном лагере герой рассказа, оказавшийся соседом пожирателя трупов, замечает: “Есть несомненно вещи более страшные, чем мясо трупа на обед”. Шаламов и Боровский отмечают то, о чём другие писатели не могут или не хотят говорить, – в лагере умирают даже те, кому удаётся выжить. Лишь немногим удаётся потом воскреснуть»²⁸.

Из записи в «Дневнике...» (1 января 1974) можно заключить, что Герлинг познакомился с этой пионерской монографией Геллера ещё

²⁶ Kruczek A. W sowieckiej prasie // *Kultura*. 1972. № 7–8 (298–299). S. 150.

²⁷ Геллер, к сожалению, вновь вернётся к этому тезису, когда в предисловии к первому лондонскому изданию «Колымских рассказов» на русском языке (1978) и двум следующим парижским публикациям (1982 и 1985) назовёт этот жест Шаламова «последним колымским рассказом»: «Так Колыма догнала своего вечного арестанта, свою упущенную жертву <...>. Историю о том, как писателя вынудили отказаться от книги, которая была смыслом его жизни, следовало бы назвать “Последний колымский рассказ”». Геллер М. Предисловие // Шаламов В. Колымские рассказы / 3-е изд. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 6. Ср.: Heller M. Przedmowa do pierwszego wydania rosyjskiego // Szalamow W. Opowiadania kołymskie. Pierwsza śmierć. Gdańsk: Wydawnictwo Atext, 1991. S. VIII. Уже в предисловии ко второй изданной на Западе книге Шаламова Геллер пишет, что лондонское издание «Колымских рассказов» передали в Москве автору незадолго до его смерти, и «он успел подержать его в руках» [а может, и увидеть этот злосчастный абзац в предисловии? – Г.П.]. Геллер М. Вторая книга // Шаламов В. Воскрешение ливневницы. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 7. Характерно, что современные российские поклонники и издатели Шаламова, публикуя отдельно текст Геллера, изъяли из него этот критический пассаж – без упоминания о том, что таковой когда-либо существовал. См: Геллер М. Последняя надежда // Шаламовский сборник / вып. 1. Вологда, 1994. С. 217. Ср.: также: Геллер М. Последняя надежда. URL: <https://shalamov.ru/critique/74/> (дата обращения: 13.10.2019).

²⁸ Геллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1974. С. 282.

в рукописи, готовя предисловие к её параллельному польскому изданию²⁹. Там он посвятил Шаламову существенный, также с точки зрения полемики, абзац: «Шаламов, блестящий рассказчик советского “концентрационного мира”, считает надежду злом, отвергает её и противопоставляет ей стремление к свободе. Что немного отдаёт казуистикой, ведь и в стремлении к свободе заключена доля надежды. Во всяком случае, неугасимое стремление к свободе, вместе с тягой к справедливости, вновь толкнуло русскую литературу на оставленный ею было путь защиты “униженных и оскорблённых”³⁰.

Фундаментальный вопрос, касающийся «надежды за колючей проволокой», волновал Герлинга ещё с тех времен, когда он сам оказался в «ином мире», а после освобождения храбро шёл по ухабиному жизненному пути – через Урал, Египет, Палестину, Персию, Ирак, Монте Кассино, Рим, Лондон, Мюнхен – к Неаполю с регулярными поездками в Париж. В своём главном тексте, «Ином мире» – написанном в Англии (Рагби и Лондон) в 1949–1950 годах – Герлинг многократно возвращался к проблеме человеческой надежды, ещё не зная, что в преклонные годы не раз будет размышлять об этой вневременной ценности применительно к колымскому, лишенному надежды пространству Шаламова. Уже на первых страницах «Иного мира» – действие которых происходит в сентябре 1940 года, в дни падения Парижа, когда «лето в Витебске шло к концу»³¹ – возникает странный образ женщины, которую видят из окна витебской камеры заключённые: «Ещё до падения Парижа как раз об эту пору на крохотном отрезке улицы, который был виден из окон нашей камеры, появлялась высокая женщина, повязанная платком, и, став под фонарём напротив тюремной стены, закуривала. Несколько раз ей случилось поднять горящую спичку вверх словно факел, и на мгновение застыть в этой необъяснимой позе. Мы рассудили, что это должно означать Надежду. После падения Парижа улица опустела на два месяца. Только во второй половине августа, когда витебское лето близилось к концу, незнакомка пробудила нас от дрёмы частым стуком каблуков по булыжнику, остановилась под фонарём

²⁹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1973–1979. Warszawa: Czytelnik, 1995. S. 60 (Pisma zebrane, tom 4).

³⁰ Herling-Grudziński G. Diagnoza raka // Heller M. Świat obozów koncentracyjnych a literatura sowiecka. Paris: Biblioteka Kultury, 1974. S. 8.

³¹ Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир / пер. с польск. Н. Горбаневской. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 9.

и, закурив, погасила спичку и зигзагообразным движением руки (погода была безветренная), напоминавшим скачки передачи в паровозных колёсах. Мы все согласились, что это должно означать Этап»³².

В конце октября 1940 года этап действительно состоялся, и Герлинг – через ленинградскую тюрьму и однодневное пребывание в тюрьме в Вологде (кстати, родном городе Шаламова) – попал, как потом оказалось, на полтора года, в Каргопольский лагерь в Ерцево под Архангельском, на левом берегу Онежского озера: «Мы высыпали из вагонов на скрипящий снег под лай овчарок и окрики охраны. На побелевшем от мороза небе ещё мерцали последние звёзды. Казалось, они вот-вот угаснут и непроглядная ночь выплывет из замерзшего леса, чтобы поглотить дрожащий накал неба и розовый рассвет, скрытый за зимними огнями костров. Однако на горизонте, за первым поворотом дороги, показались четыре силуэта “аистов” на обмотанных колючей проволокой ногах»³³.

Но и в этом пространстве за колючей проволокой надежда упорно не желала умирать. Только раз она появляется в шедевре Герлинга в контексте крайне скорбном, когда умирает в лагере старый Пономаренко, железнодорожник из Киева, «который просидел полных десять лет в самых разных советских лагерях и единственный среди нас уверенно говорил о предстоящем освобождении», однако его «в день конца срока вызвали за зону и сообщили, что заключение продлено ему *бессрочно*. Когда мы вернулись с работы, его уже не было в живых: он умер в бараке от разрыва сердца»³⁴. Перед величием этой смерти Герлинг формулирует устами повествователя ряд значимых предположений и экзистенциальных вопросов: «Можно

³² Там же. С. 11. Сегодняшний читатель может сравнить этот образ надежды у Герлинга с почти идентичным мотивом в рассказе Шаламова «Дождь» (1958): «Я вспомнил женщину, которая вчера прошла мимо нас по тропинке, не обращая внимания на окрики конвоя. Мы приветствовали её, и она нам показала красавицей – первая женщина, увиденная нами за три года. Она помахала нам рукой, показала на небо, куда-то в угол небосвода, и крикнула: “Скоро, ребята, скоро!” Радостный рёв был ей ответом. Я никогда её больше не видел, но всю жизнь её вспоминал – как могла она так понять и так утешить нас. Она указывала на небо, вовсе не имея в виду загробный мир. Нет, она показывала только, что невидимое солнце спускается к западу, что близок конец трудового дня. Она по-своему повторила нам гётевские слова о горных вершинах». Шаламов В. Дождь // Собр. соч. в 6 т. Москва: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 1. С. 69. Герлинг – о чём речь пойдет ниже – упомянет этот шаламовский мотив в рассказе «Клеймо» (1982), посвящённом скончавшемуся незадолго до этого автору «Колымских рассказов».

³³ Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. С. 32.

³⁴ Там же. С. 50–51.

лишь догадываться о том, что творилось в его душе, но наверняка, кроме отчаяния, горечи и бессильного гнева, туда закралось и чувство сожаления о том, что он легкомысленно доверился надежде. Вероятно, он ещё перед самой смертью, оборачиваясь на свою загубленную жизнь, горько упрекал себя в том, что раздражил судьбу безумным доверием <...>. Разве не играл с огнём, что ни день говоря о приближающемся дне освобождения? Разве не сглазил свободу, вместо того чтобы послушно ждать приговора судьбы?»³⁵

И несмотря на всё это – хотя сам Герлинг явно подсказывает утвердительный ответ, и нетрудно было бы увязать его тезис с распространённой, крайне пессимистической интерпретацией текстов Шаламова, – многие последующие фрагменты «Иного мира» свидетельствуют о грандиозной силе и даже бессмертии надежды. Это созвучно духу прочитанных Герлингом – дважды, по-русски, в лагере – «Записок из Мёртвого дома» Достоевского³⁶: «<...> А так как совершенно без надежды жить невозможно, то он и выдумал себе исход в добровольном, почти искусственном мученичестве». Достоевский. Записки из Мёртвого дома»³⁷.

Существенно дополняет это раннее мировоззренческое заявление Герлинга его поздняя рефлексия, сформулированная в 1998–2000 годах в «Кратчайшем путеводителе по себе самому»: «Что такое надежда? Я размышлял о ней, работая над предисловием к итальянскому изданию “Колымских рассказов” Варлама Шаламова. Тогда я прочитал, в русском издании этих рассказов, в предисловии Михаила Геллера, что Шаламов, атеист, хоть и сын священника, очень категорично выступал против надежды и утверждал, что надежда в лагере – сродни кандалам, сковывающим человека. Он придерживался мнения, что в условиях советских лагерей – он имел в виду, конечно, свою Колыму – лучше вовсе не иметь надежды, поскольку лучше как можно быстрее умереть, не терпеть все эти мучения. <...> Однако я всегда, даже в лагере, питал какую-то надежду. Сначала я жил надеждой выйти на свободу, культивировал её. Спал с ней, делал всё то, от чего предостерегает Шаламов. <...> Тадеуш Боровский считал точно так же, как и Шаламов. А мне ближе знаменитая фраза

³⁵ Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. С. 51.

³⁶ «За все время, что я пробыл в лагере, я всего лишь попытался читать “Сочинения” Грибоедова и дважды перечитал “Записки из Мёртвого дома” Достоевского – но обе эти книги я получил от моих сокамерников». Там же. С. 214.

³⁷ Там же. С. 93 (эпиграф к главе «Рука в огне» в первой части «Иного мира»).

Достоевского: «Невозможно жить без надежды»³⁸. <...> В Шаламове, хоть он и был атеист, имелось нечто, что Кафка называл «твёрдым ядром», а сам Шаламов, в одном из лучших своих рассказов – «Протезы» – «душой». В этом рассказе надзиратель отбирает у группы заключённых все протезы: искусственные зубы, искусственные ноги и т.д. А потом обращается к Шаламову и спрашивает: «А ты что сдашь?», а тот отвечает, что ему отдать нечего. Надзиратель говорит: «Душу сдашь?», на что Шаламов с поразительной решимостью отвечает: «Нет, душу я не сдам»³⁹. Этот атеист опирался на понятие души, синонимичное некой скрытой, глубокой религиозности, которая не имеет ничего общего с вероисповеданием. У него было чувство, что в человеке заключено что-то божественное <...>. Я считаю, что без надежды жить нельзя ни в каких условиях. И хотя, возможно, кому-то может показаться абсурдным продолжать питать надежду, но если ты хочешь что-то сделать, то без надежды это невозможно. Человек, что бы он ни делал, не может жить без надежды, а если у него на самом деле отнять всякую надежду, он обратится против самого себя. И это будет то состояние крайнего отчаяния, о котором писал Кьеркегор»⁴⁰.

Ещё в январе 1979 года, сразу после того, как Геллер опубликовал в Лондоне отдельным изданием более ста «Колымских рассказов» в оригинале, Герлинг впервые поднимает в своём «Дневнике...» тему художественности и стиля творчества Шаламова. Оно поражает своей суровой художественной безыскусностью, но при этом необычайно убедительно в описании мрачной беспредельности Колымы: «При изображении колымского ада он никогда не выходит за пределы краткого, сухого, почти бесцветного отчета об ужасах Колымы, о самом дне человеческого существования, избегая искушения приспособить стиль и язык к жестоким фактам, о которых повествует. Он пишет “по существу”, последовательно используя язык, свойственный скорее летописцу или автору рапорта, нежели новеллисту. Предпочитает не употреблять восклицательные знаки и не раздувать драматизм слов даже там, где предмет описания мог

³⁸ Ср.: *Сабитова А.И.* Тема надежды в «Записках из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского и повести Г. Герлинга-Грудзинского «Иной мир» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. Январь – март. С. 58–60.

³⁹ Шаламов В. Протезы // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 636–639. Написанный в 1965 году рассказ вошёл в сборник «Артист лопаты».

⁴⁰ *Herling-Grudziński G.* Najkrótszy przewodnik po sobie samym / red. W. Bolecki. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2000. S. 62–69.

бы к этому подталкивать. Он рассказывает голосом ровным и спокойным, словно бы слегка приглушённым, с оттенком печальной задумчивости. Короче говоря, я ощущаю в нём инстинктивный или сознательный страх перед ловушками “брутальной” литературы “потрясений” во имя верности собственной памяти. Эта верность так чиста и абсолютна, и одновременно так глубоко укоренена в реальности колымского мира, что озаряет новеллы Шаламова светом искусства. Станным, неожиданным светом в бездне беспросветной ночи»⁴¹.

Герлинг часто подчёркивал, что в колымском пространстве Шаламова людьми духовно сильными (теми самыми личностями, обладающими «твёрдым ядром») были, главным образом, те, кто обладал даром веры и не утратил его в лагере: «Шаламов замечает <...>, что «лагерь был великой пробой нравственных сил человека, обыкновенной человеческой морали, и девяносто девять процентов людей этой пробы не выдержали»⁴². Он пишет также о *религиозниках*: «Но более достойных людей, чем религиозники, в лагерях я не видел. Растление охватывало души всех, и только религиозники держались»⁴³. Шаламов не относился к их числу, из чего следует, что слово «только» – преувеличение. Но преувеличение мнимое, поскольку в советском «концентрационном мире» верой или, во всяком случае, склонностью к таковой становилась преданность «протезу» души. Имя Бога не произносилось всуе, а молитвы – собственного сочинения, возносимые в молчании атеистами, агностиками и безразличными – были шёпотом беспомощной, но упорной человечности. Когда упорство рушилось, перед окончательной капитуляцией происходило то, что психология определяет как “ступор”: помутневшим, отсутствующим взглядом человек вглядывается в одну точку; это, вероятно, связано со смутным, запоздалым

⁴¹ *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą 1973–1979. S. 381. Ровно через семь лет – 11 января 1986 года – Герлинг сравнит поэтику некоторых рассказов Шаламова с «перспективой и модуляциями прозы Чехова». *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany nocą 1984–1988. Warszawa: Czytelnik, 1996. S. 204 (Pisma zebrane, tom 6). А ещё позже подчёркивал, что «прекрасный рассказ, озаглавленный “Шерри-бренди”, по своему лаконизму, мог быть написан Бабелем»: «Для Шаламова принцип лаконизма стиля является фундаментальным, это своего рода мания». *Herling-Grudziński G., Sinatti P., Rafetto A.* Zapamiętane, opowiedziane. Rozmowa o Szałamowie // Szałamow W. Wiszera. Antypowieść. Z dodaniem rozmowy o Szałamowie z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim / Warszawa: Czytelnik, 2000. S. 277–278.

⁴² Шаламов В. Инженер Киселёв // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 470.

⁴³ *Idem.* Курсы // Там же. С. 510. Написанный в 1960 году рассказ «Курсы» вошёл в лагерный цикл «Артист лопаты».

осознанием того, что он слишком слаб, чтобы искать опору лишь в себе»⁴⁴.

В «Дневнике...», в записи от 11 октября 1982 года, Герлинг всё в том же фундаментальном религиозном контексте сопоставляет мир Колымы с пространством Освенцима, на сей раз призывая в свидетели героическую фигуру отца Максимилиана Кольбе. В связи с нашумевшим в своё время тезисом Яна Юзефа Щепанского в эссе «Святой» из сборника «Перед неведомым трибуналом», что мученическая смерть отца Кольбе «была актом не отчаяния или протеста», но «актом утверждения», Герлинг заключает: «[Эссе Щепанского] заканчивается фундаментальным вопросом – кем будет человек в современном мире: “Крысой, обезумевшей от ужаса и голода, или по-прежнему человеком?” Задавал себе этот вопрос и Шаламов на Колыме, отвечая, что испытание на человечность выдержали очень немногие, в основном, верующие. Главный вопрос, подсказанный римской канонизацией [о. Кольбе. – Г.П.], звучит так: верно ли, что человеческое достоинство в ситуациях бесчеловечных может уцелеть лишь при условии поиска спасения от “небытия, коим является человек сам по себе” в вере в Бога?»⁴⁵.

Добавим, что и в «Ином мире» Герлинга мы нередко видим героизм религиозных людей – например, трех венгерок-монахинь, которые в ерцевском лагере упорно отказываются «служить сатане» – не выходят за зону на общие работы, в итоге расплачиваясь

⁴⁴ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1973–1979. S. 381–382.* Это запись от 15 января 1979 года, но и двадцать лет спустя Герлинг подчёркивал в корреспонденции с выдающимся польским интеллектуалом, архиепископом Люблина Юзефом Жицинским: «Великий Варлам Шаламов, записной атеист (хоть и сын православного священника) пишет в своих “Колымских рассказах”, что лагеря были нравственным экзаменом и девяносто девять процентов заключённых этот экзамен не сдали; в этом одном проценте преобладающее большинство составляли верующие». *Herling-Grudziński G. Etyka katolicka, etyka laicka // Herling-Grudziński G., abp Życiński J. Pięć dialogów / przedmowa S. Frankiewicz. Warszawa: Biblioteka «Więzi», 1999. S. 8.* Почти то же самое можно прочитать в беседе Герлинга с известным польским литературоведом Влодзимежем Болецким: «Поскольку у меня до сих пор перед глазами стоит инженер Евгений Микке, мой сосед по нарам, я соглашусь с замечанием Шаламова, что те, кто сохранял в лагере достоинство, составляли небольшой процент всех заключённых – возможно, один процент, и большинство в этом одном проценте составляли люди верующие. Я помню Микке, который постоянно молился о том, чтобы остаться чистым, чтобы не дать себя запятнать всему этому. Это была удивительная фигура. Он был старшим лесничим за Бугом». *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei / Rozmowy przeprowadził, opracował i przygotował do druku W. Bolecki. Warszawa: Wydawnictwo Szpak, 1997. S. 111.*

⁴⁵ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1980–1983. Warszawa: Czytelnik, 1996. S. 262–263 (Pisma zebrane, tom 5).*

за это жизнью⁴⁶. Характерно однако, что на вопрос, способны ли на героизм лишь люди религиозные, Герлинг отвечает отрицательно, выдвигая следующий чрезвычайно глубокий тезис: «Мудро и прекрасно поступил Иоанн Павел II, упомянув во время канонизации Кольбе “старого доктора” Януша Корчака. Может, это была канонизация двух святых – католического и светского? Может, на площади Святого Петра в Риме оказались уравнены два служения, религиозное и светское, “помощи при умирании”? Может, в пространстве освенцимского бункера для смертников и газовой камеры в Трешлинке стремление “быть святым” оказалось синонимично стремлению “быть человеком”?»⁴⁷.

Герлинг часто предостерегал – вслед за Достоевским, – что мир без Бога обречён на гибель, однако с другой стороны, – уже явно полемизируя с автором «Братьев Карамазовых» – не отказывал в праве на святость также героическим атеистам (Альберу Камю, Варламу Шаламову)⁴⁸. В этих смелых и неканонических категориях следует рассматривать напечатанный в середине 1982 года на страницах парижской «Культуры» поразительный рассказ Герлинга «Клеймо», посвящённый как раз памяти скончавшегося за полгода до этого в московской психиатрической больнице Варлама Шаламова.

На вышеупомянутом вечере, посвящённом Мандельштаму, как уже отмечалось, Шаламов прочёл «свой коротенький рассказ о смерти поэта в лагере»: речь идет о тексте «Шерри-бренди» (1958), отсылающем к одноимённому стихотворению Мандельштама (1931). Впоследствии Герлинг ещё не раз вернётся к таинственному сплетению судеб – Мандельштама, Шаламова и собственной – наиболее точно выразив эту мысль в разговоре с Влодзимежем Болецким в июле 1995 года: «Я хотел написать рассказ о русском писателе Варламе Шаламове, помня о рассказе Шаламова, посвящённом смерти Осипа Мандельштама под Владивостоком. Мандельштам для меня – один из немногочисленных примеров мужества и писательской последовательности, а также абсолютной верности призыванию писателя – подобно Анне Ахматовой. <...> Шаламов был

⁴⁶ *Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир. С. 283, 288–289 (глава: «Мученичество за веру»).*

⁴⁷ *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1980–1983. S. 264.*

⁴⁸ В этом контексте наиболее значимыми представляются два текста Герлинга: эссе «Dwie świętości. Z załącznikiem» («Два вида святости. С приложением») (1949, 1982) и рассказ «Клеймо» (1982). *Herling-Grudziński G. Godzina cieni. Warszawa: Czytelnik, 1997. S. 34–60; Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1980–1983. S. 220–225.*

духовным братом Мандельштама, жил и умер достойно. Когда-то он написал о себе, что больше всех знает о тоталитарной системе – и наверняка имел право это утверждать. Он познавал эту систему на протяжении почти двадцати лет заключения на Колыме»⁴⁹.

Впрочем, художественную эпитафию на смерть Шаламова, чьё заглавие – «Клеймо» – отсылает к одному из мотивов колымского рассказа «Тишина» (1966)⁵⁰, Герлинг писал с целью ещё более высокой, нежели дань памяти мужественному русскому собрату и писателю ГУЛАГа. Это, пожалуй, не встречающаяся нигде более в мировой художественной литературе попытка светской канонизации русского человека – за то, что он сумел сберечь на Колыме душу, достоинство и честь, свидетельствуя тем самым, что «есть Россия, которая не сдалась»: «Эта смерть является, с одной стороны, агонией, с другой – апогеем его жизни. Шаламов умирает так, будто он – святой советского лагеря. И так относятся к нему люди. Например, тот молодой человек, который произносит речь над его гробом, те женщины, которые обтирают ему лицо. <...> Это Россия, которая не сдалась и которая разглядела в Шаламове своего святого. <...> Стоящие вокруг его гроба ощущают, что Шаламов был человеком необыкновенным, настоящим святым. <...> Потому что для меня было важно, пускай это прозвучит странно, просто канонизировать Шаламова. Я не имею на это никакого права, но... <...>. Так же, как и он в определённом смысле сделал это с Мандельштамом, которого обожал. Мандельштам тоже умирает, словно святой, на своих тюремных нарах. Только, к сожалению, почти обезумевший. Безумие

⁴⁹ *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei. S. 90.*

⁵⁰ Вот образ гроба Шаламова в художественном воплощении Герлинга: «Из круга вышел молодой человек, подошёл к гробу, поднял свечу, огонь которой блеснул в его глазах, и произнёс звонким и сильным голосом: “На каждом, на каждом лице Колыма написала свои слова, оставила свой след, вырубил лишние морщины, посадила навечно пятно от заморожений, несмываемое клеймо, неизгладимое тавро!” Это была цитата из рассказа Великого писателя под названием “Тишина”. Тишина вновь наступила и в часовне». *Herling-Grudziński G. Piętno: Ostatnie opowiadanie kołymskie // Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1980–1983. S. 223; Герлинг-Грудзинский Г. Клеймо: Последний колымский рассказ / пер. с польск. С. Макарецва // Иностранная литература. 1996. № 4. URL: <https://shalamov.ru/memory/305/> (дата обращения: 13.10.2019). Написанная в 1966 году «Тишина» вошла в сборник «Воскрешение лиственницы». Позже Герлинг будет не раз подчёркивать, что такой сценарий подсказало ему в 1982 году воображение, поскольку с реалиями он познакомился только в январе 1988 года, прочитав в парижском еженедельнике «Русская мысль» свидетельство врача Елены Захаровой об обстоятельствах смерти и похорон Шаламова. *Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 396–397; Herling-Grudziński G., Sinatti P., Rafetto A. Zapamiętane, opowiedziane. Rozmowa o Szalamowie. S. 300–301.**

началось в вагоне, который вёз его в лагерь, а там уже развилось всерьёз. Мания преследования, подозрительность, он перестал есть, потому что боялся, что его отравят <...>. Но он был мученик. В Шаламове есть ещё кое-что. Двадцать лет в лагере – это невообразимые страдания, но одновременно борьба – тихая, незаметная борьба, которая заканчивается смертью. И канонизацией <...>⁵¹.

Стоит попытаться проникнуть глубже в смысл столь акцентированной Герлингом разницы позиции двух «русских святых» – Мандельштама и Шаламова – по отношению к злу. Ключ к интерпретации может дать тройной эпитаф к «Клейму», сотканный Герлингом из фрагментов трех колымских рассказов из цикла «Артист лопаты» – «Надгробное слово» (1960), «Поезд» (1964), «Припадок» (1960): «То, что я видел, человеку не надо видеть и даже не надо знать»⁵². «Я испугался страшной силе человека – желанию и умению забывать»⁵³. «Мне хотелось быть одному. Я не боялся воспоминаний»⁵⁴. Таким образом, составленная Герлингом колымская триада Шаламова⁵⁵ может быть объяснена через призму рассказа «Клеймо» также последовательно тройко. Во-первых, автор «Колымских рассказов» считал лагерь опытом крайне негативным – с первого до последнего часа. А следовательно, человек ничего не должен знать о лагерях, даже слышать о них, поскольку это было растление для надзирателей и для заключённых, для конвоя и для внешних наблюдателей, для людей посторонних и для читателей художественной литературы⁵⁶. Во-вторых, это стремление к забвению самых страшных вопросов и пережитых моментов может быть не менее страшно, чем сам опыт. И, в-третьих, именно память свидетелей, особенно память записанная, представляет собой достойную и справедливую

⁵¹ *Herling-Grudziński G., Bolecki W. Rozmowy w Dragonei. S. 91–92.* «Апокрифом» и «рассказом-эпитафией» определяет рассказ «Клеймо» современный русский исследователь творчества Герлинга, который в своей глубокой книге обращает также внимание на нравственную схожесть Шаламова, как героя «Клейма», с непокорённым Джордано Бруно из более позднего рассказа Герлинга озаглавленного «Глубокая Тень» (1994). См.: *Мальцев Л.А. Между Россией и Западом: традиция экзистенциализма в творчестве Г. Герлинга-Грудзинского. Монография. Калининград: Изд-во РГУ им. Канта, 2008. С. 121, 114.*

⁵² *Шаламов В. Надгробное слово // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 522.*

⁵³ *Он же. Поезд // Там же. С. 650.*

⁵⁴ *Он же. Припадок // Там же. С. 410.*

⁵⁵ *Herling-Grudziński G. Piętno: Ostatnie opowiadanie kołymskie // Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1980–1983. S. 220; Герлинг-Грудзинский Г. Клеймо: Последний колымский рассказ. URL: <https://shalamov.ru/memory/305/> (дата обращения: 13.10.2019).*

⁵⁶ Ср.: *Шаламов В. О прозе // Шаламов В. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. Москва: Республика, 1996. С. 426, 429.*

позицию по отношению к жертвам и одновременно предостережение для последующих поколений.

Герлинг продуманно вводит в «Клеймо» характерный мотив из одного из самых страшных колымских рассказов Шаламова. Итак, у Герлинга русский писатель, уже смертельно больной, остаётся в больнице, поражённый параличом памяти, сохраняя лишь одно воспоминание: «Этот образ был когда-то стержнем его рассказа о “прибытии на причал ада”. Мрачные силуэты скал, окружающих бухту Нагаево. Где-то далеко позади, за океаном, в другом, реальном мире, угасла навсегда осенняя яркость красок. Здесь, у ворот Колымы, с неба стекала густая мгла. Вокруг ни следа пребывания человека, темно и холодно, заключённые сходили с корабля на землю, на “причал ада”, и их глотала беспредельная ночь. И такая же беспредельная ночь, враждебная и жестокая, вновь через много лет заползла в его сердце, наполнила целиком, не оставив места ни для чего другого. Будто в его венах потекла, лениво проталкиваясь и причиняя тупую боль, чёрная, густая кровь»⁵⁷.

Все ведёт нас к колымскому рассказу «Прокуратор Иудеи» (1965, из цикла «Левый берег»), действие которого происходит в конце 1947 года в Магадане, в бухте Нагаево. Именно туда в суровый декабрьский день входит пароход «КИМ» с «человеческим грузом» – тремя тысячами заключённых. Еще в Атлантическом океане они подняли бунт, и начальство «приняло решение залить все трюмы водой», «при сорокаградусном морозе». Заведующий хирургическим отделением Кубанцев, принимавший этот ледяной груз, отмечал «отморожение третьей-четвёртой степени», но потом – подобно старому Пилату из рассказа Анатоля Франса «Прокуратор Иудеи» (1892) – вытеснил это из памяти: «Всё это надо было забыть, и Кубанцев, дисциплинированный и волевой человек, так и сделал. Заставил себя забыть... Через семнадцать лет Кубанцев вспоминал имя, отчество каждого фельдшера из заключённых, каждую медсестру, вспоминал, кто с кем из заключённых “жил”, имея в виду лагерные романы. Вспомнил подробный чин каждого начальника из тех, что поподлее. Одного только не вспомнил Кубанцев – парохода “КИМ” с тремя тысячами обмороженных заключённых... У Анатоля Франса есть рассказ

⁵⁷ Герлинг-Грудзинский Г. Клеймо: Последний колымский рассказ. URL: <https://shalamov.ru/memogu/305/> (дата обращения: 13.10.2019).

“Прокуратор Иудеи”. Там Понтий Пилат не может через семнадцать лет вспомнить Христа»⁵⁸.

Завершая размышления о художественной эпитафии Герлинга на смерть Шаламова, следует подчеркнуть ещё одно обстоятельство. Как уже упоминалось, в середине 1972 года автора «Колымских рассказов» за действительно злосчастное письмо в редакцию «Литературной газеты» резко осудил историк-эмигрант Михаил Геллер. Обвиняя Шаламова в том, что он «сломался, изменил самому себе», Геллер категорически утверждал, что недавний заключённый, сам того не осознавая, написал таким образом свой «последний колымский рассказ». Разумеется, Густав Герлинг-Грудзинский в «Клейме» не мог обойти этот печальный эпизод биографии старого Шаламова, но он сделал это в духе милосердия и сострадания великому писателю, взяв слово «измена» в кавычки: «Он стал величайшим старателем, топографом, летописцем неизвестного архипелага, ада, устроенного людьми для людей. Если бы у него хватило сил, если бы его оставили в покое... Но он терял зрение, слух, дряхлел; и от него потребовали заявления, что жизнь лишила его рассказы актуальности. Он написал это заявление, что дало повод окружающим заговорить об “измене”. И он остался один. Он и хотел быть один и уже не боялся воспоминаний, но согласился с тем, что они должны онеметь, безмолвно сопутствуя ему в его собственной все усиливающейся немоте. В награду за “измену” ему предоставили место в доме для престарелых и инвалидов – теплую, удобную комнату. Там он был один и “по-своему” счастлив, как “по-своему” счастлив был слепой поп в его рассказе “Крест”, который старался спать и днём и ночью, потому что только во сне он прозревал»⁵⁹.

⁵⁸ Шаламов В. Прокуратор Иудеи // Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 225–230. Ср.: Szalamow W. Opowiadania kolymskie. Lewy brzeg / przeł. J. Baczyński. Gdańsk: Wydawnictwo Atekt, 1991. S. 7.

⁵⁹ Herling-Grudziński G. Piętno: Ostatnie opowiadanie kolymskie. S. 223; Герлинг-Грудзинский Г. Клеймо: Последний колымский рассказ. URL: <https://shalamov.ru/memogu/305/> (дата обращения: 13.10.2019). Написанный в 1959 году рассказ «Крест» вошёл в цикл «Воскрешение лиственницы». Герлинг, видимо, не догадался, что произведение имеет автобиографическую основу, а тот «слепой поп», о котором здесь речь, – отец писателя, Тихон Николаевич Шаламов (1868–1933). Из автобиографической прозы Варлама Тихоновича Шаламова: «Четвёртая Вологда»: «Оба моих старших брата были на войне. Второй брат был красноармейцем химической роты VI армии и погиб на Северном фронте в двадцатом году. Отец мой ослеп после смерти любимого сына и прожил тринадцать лет слепым. <...> Отец сидел целые дни в кресле – спал днём. Я пытался его будить – врачи сказали, что ему не надо спать. Однажды он повернулся ко мне лицом и с презрением к моей недогадливости сказал: “Дурак. Во сне-то я вижу”. И этот разговор я не смогу забыть никогда». Шаламов В. Четвёртая Вологда // Собр. соч. в 6 т. Т. 4. С. 298, 304.

Снабдив рассказ «Клеймо» значимым подзаголовком «Последний колымский рассказ», Герлинг, вне всяких сомнений, вступал в завуалированную полемику со своим русским другом – слишком поспешно давшим нравственную оценку поступку Шаламова. При этом, конечно, он по-прежнему обращался к познаниям Геллера и новым открытиям, касающимся колымского, шаламовского пространства. И так, когда в конце 1985 года Геллер издал в Париже тайком привезённый из Москвы новый сборник неизвестной ранее прозы Шаламова, озаглавленный «Воскрешение лиственницы», Герлинг с энтузиазмом писал об этой публикации уже 7 января 1986 года. Поскольку его по-прежнему мучил экзистенциальный вопрос об отношении Шаламова к религии и Богу, именно эта фундаментальная проблема оказалась в центре тогдашних размышлений об авторе «Воскрешения лиственницы». Новый парижский сборник Шаламова включал большую автобиографическую повесть «Четвёртая Вологда» и более десятка коротких рассказов о детстве и пребывании в разных лагерях. В «Четвёртой Вологде» Шаламов, сын священника, описал свой острый религиозный конфликт с отцом, гордясь тем, что даже во времена неволи, в самые чёрные моменты, никогда не прибегал к «помощи свыше». В связи с этим Герлинг не только повторяет свою прежнюю мысль, но и ставит, столкнувшись с новыми фактами этой конкретной судьбы и наследия писателя-лагерника, очередные вневременные вопросы: «В “Четвёртой Вологде” Шаламов, сын священника, описал, в частности, свой конфликт с отцом; в значительной мере религиозный <...>. “И я горжусь, что с шести лет и до шестидесяти я не прибегал к Его помощи ни в Вологде, ни в Москве, ни на Колыме”⁶⁰. Он умер в 1982 году, в возрасте семидесяти пяти лет. “Прибегал ли он к помощи Бога” на протяжении последних пятнадцати лет своей жизни? Об этом трудно судить, поскольку автобиографическое повествование обрывается 1967 годом. В моем рассказе о смерти Шаламова “Клеймо” словно бы мерцает примирение с Богом. Но робкое, едва намеченное, опирающееся, главным образом, – хотя и не только – на то, что Шаламова посмертно примирили с Богом посредством православного погребального торжества. Если бы я был знаком с заглавным рассказом только что вышедшего в Париже сборника “Воскрешение лиственницы”, то позволил бы себе немного больше.

⁶⁰ Там же. С. 146.

Это рассказ-притча о чуде воскресения, о знаке бессмертия, присланном из колымского “царства льда”. <...> Если на пороге смерти он вернулся к Богу, то не на коленях, моля о милости вечного спасения, но с гордым сознанием того, что в мучениях “белого ада” ему удалось сберечь бесценную личную, человеческую свободу, независимость и внутреннюю волю»⁶¹.

Уже 29 августа 1989 года Герлинг с огромным удовлетворением отмечал на страницах «Дневника...», что свободная русская литература и свободная польская литература начали своё триумфальное возвращение на родину. Московский «Новый мир» печатает «Архипелаг ГУЛАГ», варшавское издательство «Czytelnik» («Читатель») запланировало на сентябрь 1989 года публикацию «Иного мира» (который на русском языке уже вышел в Лондоне в переводе Натальи Горбаневской⁶², и «кто знает, не увидит ли он когда-нибудь свет также и на родине переводчицы»⁶³), кроме того, «сегодня в Москве состоится публичный вечер, посвящённый Варламу Шаламову»⁶⁴. В этой новой, пробуждающей надежду, реальности Герлинг не только не перестаёт читать Шаламова, но, напротив, возвращается к его текстам с особой горячностью⁶⁵. Ибо он неизменно видел в Шаламове соратника, помогающего понять смысл или, скорее, абсурд глобальных трагедий Запада и Востока в XX веке – нацизма, Холокоста и «тюремной цивилизации» СССР. Он также обращался к помощи Шаламова, когда сам пытался разрешить мучившие его до конца жизни этические и метафизические вопросы – проблеме «природы человека, подвергнутого высочайшему испытанию

⁶¹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 201–202.

⁶² Герлинг-Грудзинский Г. Иной мир: Советские записки / пер. с польск. Н. Горбаневской. Лондон: Лондон: Overseas Publ. Interchange Ltd, 1989.

⁶³ В 1991 году – стоит подчеркнуть, что ещё во времена СССР, хотя и стремительно приближавшегося к распаду – перевод «Иного мира» (также Н. Горбаневской) был опубликован в московском издательстве «Прогресс». Добавим ещё к этому радостному *signum temporis*, что в мае того же 1991 года, во время первой поездки Герлинга в Польшу, он получил в Варшаве за рассказ «Клеймо» личную благодарность советника по культуре посольства СССР. Ср.: Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1989–1992. Warszawa: Czytelnik, 1997. S. 237–238 (Pisma zebrane, tom 11).

⁶⁴ Ibid. S. 53–54.

⁶⁵ Готовя предисловие к итальянскому изданию «Колымских рассказов», Герлинг писал на страницах своего «Дневника...» (15 апреля 1998): «И вот с некоторых пор я живу Шаламовым, каждый вечер читаю (в который уже раз) его рассказы. На столе лежит толстенный русский сборник, изданный в 1978 году в Лондоне («Overseas»): более сотни рассказов с предисловием Михаила Геллера. А рядом трёхтомное гданьское издание 1991 года (издательство «Атекст»), повторяющее лондонское. Оба не совсем полные. Из Москвы в Турин уже прибыли последние найденные рассказы Шаламова». Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1997–1999. S. 181–182.

в мире, из которого он изгнал человечность», «поведения человека в бесчеловечных условиях», проблему веры в Бога, особенно за колючей проволокой: «Я не устану повторять страшную мысль атеиста Шаламова: на Колыме девяносто девять процентов людей <...> испытания не выдержали, а большинство из оставшегося одного процента составляли люди религиозные»⁶⁶.

Говоря – отчасти критически – в марте 1991 года об описании тоталитарных лагерей, представленном Цветаном Тодоровым в книге «Face à l'extrême» (1991), Герлинг решительно подчеркнул, что французский автор болгарского происхождения слишком мало внимания уделил в своих размышлениях Шаламову, а ведь тот советские лагеря знал не понаслышке («колымские знания»), превосходя в этой области даже великого Солженицына⁶⁷. Особым вопросом, затрагиваемым Герлингом в связи с Шаламовым, была оригинальная художественность «Колымских рассказов» и металитературное сознание их автора. Польский писатель более подробно говорит об этом на страницах «Дневника...» в декабре 1992 года, на следующий день после прочтения опубликованного московским «Новым миром»⁶⁸ эссе Шаламова «О моей прозе». Этот написанный в 1971 году очерк – формально, длинное письмо И.П. Сиротинской – содержал как размышления о возможности существования литературы в мире после Колымы и Освенцима, так и авторские суждения о невозможности создания новой прозы в старой романтической, модернистской или традиционно реалистической поэтике. Герлинг отнёсся скептически к тем фрагментам статьи, где Шаламов пробовал сформулировать, чем его новая проза *является*, а не только, чем она *не является*. Одновременно он сам пытается метафорически описать суть шаламовской новой прозы: «Он не признавался ни в каких литературных влияниях, был открывателем нового жанра: свидетельство, за которым стоят сильные эмоции, лаконизм, не позволяющий использовать ни одного лишнего слова (этому придавал большое значение также Бабель), каждый рассказ – как суд и “пощёчина по сталинизму”⁶⁹, экономия выразительных средств,

⁶⁶ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1989–1992. S. 58.

⁶⁷ Ibid. S. 232.

⁶⁸ Следует уточнить, что эта публикация состоялась ещё в декабре 1989 года.

⁶⁹ В.Т. Шаламов – И.П. Сиротинской // Собр. соч. в 6 т. Т. 6. С. 484. В декабре 1996 года Герлинг напишет об этом контексте: «Сам Шаламов, на пороге смерти, мечтал об одном: “Бить каждым написанным словом по Сталину”». Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1993–1996. Warszawa: Czytelnik, 1998. S. 730 (Pisma zebrane, tom 10).

вплоть до полного аскетизма. Все лишнее, чрезмерное, должно быть удалено в мыслях, ещё прежде, чем перо коснется бумаги. “Для рассказа мне нужна абсолютная тишина, абсолютное одиночество. <...> Каждый рассказ, каждая фраза его предварительно прокричана в пустой комнате – я всегда говорю сам с собой, когда пишу. Кричу, угрожаю, плачу. И слёз мне не остановить. Только после, кончая рассказ или часть рассказа, я утираю слёзы”⁷⁰. ... Признания писателя интересны, однако мало что говорят о безусловной новизне “Колымских рассказов”. Быть может, это задача, особенно для самого автора, вообще невыполнимая. Может, достаточно было бы в “Моей прозе” остановиться на одной фразе. “Я летописец собственной души. Не более. Колыма в моей душе в любой жар”. Что касается меня, я способен определить рассказы Шаламова только метафорически. Он писал о “каменном мире”, вырубал осколки этого камня, твёрдые, словно кремь, молча выглаживал их и годами полировал, и, наконец, выбрасывал из себя, крича и плача, но мы, читатели, не знаем и не должны знать, что за ними скрывается, как нарастала – рассказ за рассказом – хроника свободной души в рабском, бесчеловечном, каменном мире»⁷¹.

В 1997–2000 годах – на закате жизни – Герлинг охотно обращался к Шаламову как к свидетелю в пользу идеи «тоталитарных близнецов» – советского и гитлеровского⁷². Здесь автору «Иного мира»

⁷⁰ В.Т. Шаламов – И.П. Сиротинской // Собр. соч. в 6 т. Т. 6. С. 495–496.

⁷¹ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1989–1992. S. 456.

⁷² В «Дневнике...» 27 июля 1999 года Герлинг признаётся, что определение «тоталитарные близнецы» (итал. *gemelli totalitari*) было впервые использовано им в публикации в туринской газете «Стампа», «и лишь через некоторое время полюбили Алену Безансону», французскому историку и советологу. Герлинг вспоминает при этом, что спустя несколько лет после этой публикации в «Стампа» большое туринское издательство «Эйнауди» заказало ему предисловие к полному итальянскому изданию «Колымских рассказов». Подготовленный и даже оплаченный текст был однако отклонён редакцией, причём главной причиной, как утверждал Герлинг, было то, что в нём «повторялось определение *gemelli totalitari*»: «Не в состоянии оказались его проглотить наследники итальянского “князя издателей”, как повсеместно именовали Эйнаууди, планировавшего в давние времена увлечения идеями коммунизма роскошное издание “Собрания сочинений”... Жданова». Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1997–1999. S. 315. Добавим, что это отвергнутое предисловие к итальянскому изданию «Колымских рассказов» представляет собой, в сущности, состоявшуюся 20 июня 1998 года беседу Герлинга о Шаламове с двумя итальянскими славистами – Пьеро Синатти и Анной Рафетто. В конце концов, в 1999 году текст был опубликован отдельной брошюрой – «Ricordare, raccontare. Conversazione su Šalamov» – неаполитанским издательством «Ancoaga del Mediterraneo». В 2000 году он увидел свет также по-польски, в качестве послесловия к переводу «Вишеры» Шаламова. Мы читаем: «Недавно на страницах газеты „Стампа” я назвал близнецами нацистский и коммунистический режимы. Я получил множество писем от читателей, многие из них были возмущены: как можно ставить два строя на одну доску?»

противостояли весьма влиятельные идеологические противники, и не только среди левых интеллектуалов на Западе. Своим идейным оппонентам он, однако, советовал внимательно читать Шаламова, хотя бы один его рассказ – «Боль» (1967) из цикла «Воскрешение лиственницы»: «Из рассказов Шаламова один произвёл на меня особое впечатление: «Боль». Пароходы, пристававшие к берегам Колымы, писал он, были теми же вагончиками, тележками, которые в Освенциме везли людей в газовые камеры⁷³. Шаламов ошибался. Не было там никаких вагончиков. Людей строили в колонны и вели прямиком в газовые камеры. Но так Шаламов это себе представлял. Во всяком случае, сами узники советских лагерей люди, подобные Шаламову, говорили, что ГУЛАГ был тем же, что нацистский лагерь. Именно это не желала осознать прогрессивная интеллигенция. <...>. Нет никакого смысла спорить, уничтожил советский тоталитарный близнец двадцать или пятьдесят миллионов людей. Существенно лишь то, что он целиком и полностью заслуживает наименования “близнец”»⁷⁴.

Особым поводом ещё раз высказать столь радикальную точку зрения – являвшуюся, в сущности, также и формой отдания долга памяти жертвам ГУЛАГа, вне зависимости от их национальности – стала публикация, сперва по-французски (1997), затем в польском переводе (1999), «Чёрной книги коммунизма». В связи с выходом польского издания, предисловие к которому – что характерно, несколько полемическое по отношению к тезису Герлинга о «тоталитарных близнецах» – написала польский историк Кристина Керстен. На склоне жизненного пути Герлинг в очередной раз подробно изложил свою мысль. Опять же, посоветовав оппонентке «внимательно прочитать “Колымские рассказы”», Герлинг сформулировал категорическое, хоть и касающееся исключительно этической сферы, обоснование своего тезиса о «тоталитарных близнецах»: «Предисловие к польскому переводу “Чёрной книги коммунизма” написала профессор Кристина Керстен. Серьёзный историк, но несколько скованный своим политическим прошлым. Будучи по праву уважаемым и добросовестным историком, она высоко оценивает

Очень даже можно, требуется только одно уточнение: узников в Освенциме и на Колыме убивали по-разному. Вот и вся разница». *Herling-Grudziński G., Sinatti P., Rafetto A. Zapamiętane, opowiedziane. Rozmowa o Szalamowie // Szalamow W. Warszawa: Czytelnik, 2000. S. 250.*

⁷³ Шаламов В. Боль // Собр. соч. в 6 т. Т. 2. С. 166.

⁷⁴ *Herling-Grudziński G., Sinatti P., Rafetto A. Zapamiętane, opowiedziane. Rozmowa o Szalamowie. S. 251; Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1997–1999. S. 88.*

значимость “Чёрной книги” в целом, но будучи человеком, сентиментально верным своей молодости, не может смириться со страшным знаком равенства Холокост–ГУЛАГ. Керстен ищет компромисс, говоря, например, так: “Густав Герлинг-Грудзинский назвал нацизм и коммунизм тоталитарными системами-близнецами; это суждение не лишено справедливости, однако следует уточнить, что это были не однойцевые близнецы. Идеологии эти произрастали из разных корней, отсылали к разным по своей сути системам ценностей, пропагандировали разное видение мира”. Я настаиваю на том, что это близнецы однойцевые. По одной важной причине. Я не собираюсь подробно, как это делает варшавский историк, анализировать тоталитаризм, отсылая к ставшим уже классическими текстам Анны Арендт, Томаса Фридриха или Збигнева Бжезинского. С моей точки зрения, мощное единство яйца в моём споре с Кристиной Керстен заключается в общности фундаментального принципа обеих тоталитарных систем: то, что власть имеет право убивать или ликвидировать людей, социальные группы, народы, которые считает бесполезными или даже вредными, мешающими делу строительства нового, лучшего мира; убивать в печах крематориев, медленно ликвидировать в ГУЛАГе (сперва выдавив из жертв всё, что только можно было из них выдавить), уничтожать под корень евреев, кулаков, представителей “неправильной” расы или класса, народы, которые не хотят перестать быть народами, людей, которые не хотят или не умеют признать себя лишними, всю эту огромную массу человеческих отбросов (или *szmelc*, если воспользоваться немецким словом), приговорённую к гибели на помойке истории во имя расовой или классово-утопии. Из этого единого тоталитарного яйца родились близнецы, которые на долгое время (пока не оказались побеждены или не пали сами собой) превратили наше столетие в гигантскую бойню. Корни, “системы ценностей”, “видение мира” были у них, вопреки видимости, одними и теми же»⁷⁵.

Когда в это же время (1998–1997) между Лешек Колаковским и Аленом Безансоном разгорелась дискуссия о кровном родстве нацизма и коммунизма, Герлинг решительно занял сторону Безансона, говорившего о генетическом и функциональном сходстве двух тоталитаризмов. Колаковского Герлинг опять-таки упрекнул, что тот в своём анализе умолчал о свидетельстве Шаламова: «Колаковский

⁷⁵ *Ibid. S. 315–316 («Dziennik pisany nocą», 17 lipca 1999).*

полемизирует с Безансоном на тему “тоталитарных близнецов”, нацизма и коммунизма, но не упоминает о Шаламове, который назвал Колыму “белым Освенцимом”⁷⁶.

* * *

Густав Герлинг-Грудзинский с самого начала своего сотрудничества с парижской «Культурой» горячо участвовал в интеллектуальных и издательских инициативах Ежи Гедройца и Юлиуша Мерошевского, имевших целью сближение поляков и русских («друзей-москалей»⁷⁷) в их общем стремлении сбросить ярмо коммунизма. Кроме активного участия в подготовке в 1960–1981 годы трёх значимых русскоязычных номеров «Культуры»⁷⁸, польский писатель и мыслитель с энтузиазмом читал и изучал как современную ему свободную русскую литературу – произведения Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Надежды Мандельштам, Виктора Некрасова, Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Василия Гроссмана, Георгия Владимова, Андрея Синявского, Владимира Максимова – так и русскую классику XIX и XX века – Николая Гоголя, Ивана Тургенева, Александра Герцена, Фёдора Достоевского, Льва Толстого, Антона Чехова, Владимира Соловьёва, Льва Шестова, Федора Сологуба, Евгения Замятина, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама, Михаила Булгакова, Андрея Платонова.

⁷⁶ *Herling-Grudziński G.* Biała noc miłości. Opowiadania. Warszawa: Czytelnik, 2002. S. 380. (Pisma zebrane, tom 12). Это фрагмент «Дневника, писавшегося ночью», запись от 12 января 2000 года. Эссе Безансона и Колаковского вышли сначала на французском языке в парижском ежеквартальном издании «Коммантэр», а затем в польских переводах в «Газете Выборчей». Ср.: *Besançon A.* Mémoire et oubli du communisme // Commentaire. 1997. № 80/4. P. 789–794; *Kołąkowski L.* Note conjointe sur le communisme et le nazisme // Commentaire. 1998. № 82/2. P. 367–370. *Besançon A.* Myśmy wszystko zapomnieli // Gazeta Wyborcza. 1999. № 118 (3116). 22–23 maja. S. 14–15; *Kołąkowski L.* Cóż tam, panie, w bibliotece? // Ibid. S. 15–17. Оба текста перевела на польский язык Эва Михновска.

⁷⁷ Данное определение является аллюзией к известной драматической поэме «Деды» («Dziady») Адама Мицкевича. Часть III поэмы, опубликованная в 1832 году, предваряется вступлением «Друзьям москалям» («Do przyjaciół Moskali»).

⁷⁸ В каждом из трёх номеров русской «Культуры», изданных, кстати, редакцией Гедройца с большим временным интервалом, можно найти, по крайней мере, один текст Герлинга. В двух первых это, в частности, фрагменты «Иного мира» в русском переводе (автор перевода не указан). Ср.: *Герлинг-Грудзинский Г.* Ночные крики / предисл. Б. Рассела // Kultura. Numer gosyjski. Номер посвящённый польско-русским отношениям. 1960 (maj). С. 46–55; *Терц А.* Суд идёт (рассказ) / предисл. Г. Герлинга-Грудзинского // Там же. С. 52–64. *Герлинг-Грудзинский Г.* Воскресение // Kultura. 1971. № 2. С. 93–108. *Он же.* Поездка в Прагу // Kultura. Номер посвящённый польско-русским отношениям. 1960. Maj. С. 53–66; *Хласко М.* Кладбища / предисл. Г. Герлинга-Грудзинского, пер. с польск. Н. Горбаневской // Там же. С. 66–69.

Кроме впечатлений *stricte* художественных, автор «Иного мира» искал в произведениях российских титанов духа и пера доказательства существования в русской культуре подземного источника свободы, который, в конце концов, как он полагал, пробьётся наружу и изменит мрачную историко-политическую реальность⁷⁹. Очень важным элементом этой веры Герлинга в будущую Россию – веры, которую некоторые критики определяли как утопическую, наивную или даже вредную⁸⁰, – являлся интеллектуальный героизм польского писателя, сродни «абсурдной надежде» Льва Шестова или позиции Сизифа, как его видел и описывал высоко ценимый Герлингом Альбер Камю. А может, и в духе Марии Конопницкой из стихотворения *Contra spem spero* («Верю вопреки надежде») из сборника «Живым и мёртвым»:

И в звезду народов верю я средь вихрей снежных,
Вопреки надежде!⁸¹

В политических устремлениях парижской «Культуры» – которую Герлинг на протяжении десятилетий создавал рука об руку с Ежи

⁷⁹ В ранних «Призраках революции» (1969) Герлинг писал, что французского маркиза Астольфа де Кюстина, критиковавшего в своей книге «Россия в 1839 году» (1842) режим Николая I, в сущности, трактуют как «образец прозорливости и остроты взгляда», хотя «лишь один глаз маркиза действовал исправно и отлично видел»: «Было ещё слишком рано, чтобы прозрел также второй глаз, открыв подспудную, подземную страну, в которой общественная жизнь представляет собой постоянную конспирацию в борьбе за правду». *Herling-Grudziński G.* Upiory rewolucji. S. 20.

⁸⁰ 22 декабря 1988 года Герлинг горько отмечает в своём «Дневнике...», что «возлагать надежды на другую Россию означало для многих “реалистов” обманываться самим и своими мечтами сбивать с толку бедных читателей». *Herling-Grudziński G.* Dziennik pisany poś 1984–1988. S. 481. Добавим, что он говорил так о своей всегдашней, неистребимой надежде на существование «другой России», описанной им тридцатью годами ранее в «Призраках революции» («Upiory rewolucji», 1969). Эту мысль Герлинг развивал уже на пике «перестройки» Горбачёва, которого, впрочем, упрекал в промедлении и излишней осторожности, не веря, что он мог бы стать конструктором этой «новой России»: «Следует, конечно, обращать внимание на каждое проявление оттепели в СССР, но не следует делать это таким тоном, с таким волнением, словно чудо обращения Старшего брата ждёт нас за углом. Следует учитывать и использовать каждое послабление в рамках советской “перестройки” (я полагаю, что “передышки”), но не стоит накручивать себя и других, надеясь на скорое и долгожданное воплощение Благой Вести с Востока. Меньше иллюзий, больше холодной, спокойной сдержанности. И больше мечтайте, господа...». Ibid. S. 480. О «мечтах», добавим, говорилось применительно не к Горбачёву, а к новой политической ситуации в Польше. Герлинг при этом сурово критиковал варшавские элиты («парламент польской культуры»), которые, с его точки зрения, слишком робко вели себя во время встречи с Горбачёвым в варшавском Королевском замке в июле 1988 года: «Со стороны “парламента польской культуры” прекрасного гостя ожидал поистине салонный куртуазный жест, а именно – ни разу не прозвучало слово “Солидарность”». *Herling-Grudziński G.* Paskudna historia // Kultura. 1988. № 9 (492). S. 12.

⁸¹ *Konopnicka M.* Poezye / seria trzecia. Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1887. S. 85.

Гедройцем, Юлиушем Мерошевским, Юзефом Лободовским и другими – для освобождения Польши от коммунизма была необходима не только независимость наших ближайших соседей (украинцев, белорусов, литовцев), но и заря свободы в самой России. Впрочем, на закате жизни Герлинг ещё успел выразить опасение, что в России на пороге XXI века поднимают голову как «недобитки Призраков революции»⁸², так и поборники «разгорающегося российского национализма»⁸³. Однако его верность памяти о многих близких ему русских – живых и покойных – Андрее Сахарове, Варламе Шаламове, Александре Солженицыне, Надежде Мандельштам, Льве Копелеве, Василии Гроссммане, Викторе Некрасове, Михаиле Геллере, Георгии Владимове, Булате Окуджаве, Владимире Буковском⁸⁴, Сергее Ковалёве, Наталье Горбаневской, Владимире Максимове, Андрее Синявском, Ирине Иловайской-Альберти – до самого конца позволяла Герлингу верить в существование и движущую силу хотя бы этой горстки «друзей-москалей»⁸⁵.

Не соглашаясь с крайне пессимистическим видением советского человека и общества (*homo sovieticus*), который мы находим в книге Михаила Геллера 1984 года «Польша в глазах Москвы» («Polska w oczach Moskwy»), Герлинг именно в этом «друге-москале» видел «живое доказательство» неэффективности и даже нежизнеспособности советской системы. В 1984 году на страницах своего «Дневника...» он писал: «Геллер (иначе, чем я) серьёзно относится

⁸² Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1997–1999. S. 218.

⁸³ Idem. Biała noc miłości. Opowiadania. S. 380 (Dziennik pisany nocą. 12 stycznia 2000). Ср.: Przebinda G. Moskwa 2000 // Tygodnik Powszechny. 2000. 11 marca. № 11 (2644). S. 7; Idem. Moskwa 2000 // Przebinda G. Piekło z widokiem na niebo. Kraków: Znak, 2004. S. 11–19. Эти впечатления автора от путешествия в Москву в начале 2000 года, к сожалению, подтверждают справедливость тогдашних опасений Герлинга.

⁸⁴ В августе 1984 года Герлинг писал, что его чрезвычайно обрадовало письмо польского деятеля «Солидарности» Збигнева Буяка к Владимиру Буковскому, опубликованное в 1983–1984 годах – сначала в эмигрантском, а затем в отечественном подпольном издании – польского перевода книги Буковского «И возвращается ветер...» (1979; в переводе – под названием «I powraca wiatr...»): «Твоя книга помогает преодолеть укоренившийся в сознании многих поляков стереотип русских как людей с душой раба, для которых большевизм является естественным продолжением их истории». Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 65. Ср.: Bujak Z. Zamiast przedmowy // Bukowski W. I powraca wiatr... / przeł. A. Mietkowski. Warszawa: Wydawnictwo CDN, 1984. S. 3.

⁸⁵ Ещё в октябре 1986 года Герлинг одобрительно вспоминал рефлексию Адама Михника о «России мечтаний, России Сахарова и Буковского, Солженицына и Горбаневской, Некрасова и Копелева», зато критически отнёсся к провозглашаемому Лехом Валенсой образу «России без Сахарова», считая его оппортунистским. Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 266–267.

к понятию *homo sovieticus* <...>. Сам же он среди лично мне известных “тамошних” россиян является, пожалуй, лучшим “живым доказательством” недолговечности и поверхностности свойств “советского человека”. За исключением одной черты, которую система сумела, видимо, как следует вбить в головы своих нынешних и бывших подданных. Она проявляется в твёрдом убеждении, будто ничего уже “там” не может радикально измениться. Это убеждение мне чуждо, я никогда не смогу с ним смириться»⁸⁶.

Двигаясь в направлении, указанном мудрым Густавом Герлингом-Грудзинским, следует и сегодня уметь вчитываться в богатое универсальное содержание текстов и поступков наших сегодняшних друзей в России – Людмилы Улицкой, Мариэтты Чудаковой, Людмилы Петрушевской, Елены Твердисловой, Бориса Акунина, Виктора Шендеровича, Николая Сванидзе, Виктора Ерофеева⁸⁷, Дмитрия Быкова⁸⁸. Список этот остаётся открытым.

STRESZCZENIE

Nadzieja w Martwym domu. Spotkania Herlinga-Grudzińskiego z Szalamowem

Artykuł stanowi próbę całościowego, syntetycznego opisu stosunku Gustawa Herlinga-Grudzińskiego (1919–2000) – wielkiego polskiego pisarza na emigracji, w przeszłości (1940–1942) więźnia stalinowskich łagrów, a potem autora *Innego Świata* (1951) – do twórczości Warłama Szalamowa (1907–1982), wybitnego pisarza rosyjskiego, tworzącego w ZSRR, wcześniej (1929–1931; 1937–1951) długoletniego więźnia sowieckich łagrów. Szalamow jest przede wszystkim znany jako autor genialnych, acz niezwykle mrocznych *Opowiadań kołymskich* (pisane w 1954–1962, publikowane od 1966–1967), autobiograficznych, ale głównie opisujących kondycję człowieka pierwszej połowy XX wieku w warunkach skrajnie nieludzkich. Czytając gorliwie Szalamowa od początku lat 70. aż do końca życia, Herling poszukiwał u tego rosyjskiego pobratymca (którego znał

⁸⁶ Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 79. Свою критику геллеровского «гомо советикуса» Герлинг углубил в апреле 1986 года, вскоре после публикации французского перевода книги М. Геллера «Машина и винтики» («La Machine et les rouages», 1985). Ср.: Herling-Grudziński G. Dziennik pisany nocą 1984–1988. S. 139–142.

⁸⁷ Ср.: Африканская Русь, декадентская Европа и Польша. С. В. Ерофеевым беседует Г. Пшебинда // Новая Польша. 2015. № 4 (173). С. 77–84; Jerofiejew W. W Rosji jest jak w Afryce. Rozmawiał G. Przebinda // Plus Minus. Tygodnik «Rzeczpospolitej». 2014. № 34 (1121). 23–24 VIII. S. P6–P7.

⁸⁸ Ср.: Przebinda G. Dmitrij Bykow rozmraża Rosję // Tygodnik Powszechny. 2019. 20 X. № 42 (3667). S. 102–106.

oczywiście jedynie z lektury), odpowiedzi zarówno na pytania o znaczeniu historycznym, jak i te o wymiarze metafizycznym. Z jednej strony, postawa i twórczość ludzi jak Szałamow była dlań dowodem na istnienie „innej Rosji”, niejako „źródła podziemnego” w procesie nieuchronnego, jak wierzył Herling, wyzwania Europy Wschodniej i Środkowej z jarzma komunizmu. Z drugiej jednak strony, polski pisarz nie przyjmował skrajnie pesymistycznego obrazu świata i człowieka Szałamowa, wierząc gorąco, iż w każdej istocie ludzkiej istnieje – mówiąc językiem Franza Kafki – „twarde jądro”, którego nie jest w stanie wykorzenić najbardziej nieludzki ustrój. Ani nazizm, ani komunizm, określane przez Herlinga mianem „braci-bliźniaków”. Polski pisarz uznawał ostatecznie Szałamowa – dodajmy, iż przekonanego ateistę – za osobę świętą, obok, notabene, takich arcyważnych dla Europy postaci, jak ojciec Maksymilian Kolbe, Janusz Korczak, Albert Camus czy Franz Kafka.

SŁOWA KLUCZOWE

Gustaw Herling-Grudziński, *Inny Świat* Herlinga, *Dziennik pisany nocą*, Warłam Szałamow, *Opowiadania kołymskie*, przekłady polskie *Opowiadania kołymskich*, demokratyczna Rosja, „inna Rosja”, Rosja w polskich oczach, zachowanie człowieka w sytuacjach granicznych, zachowania ludzi religijnych i niereligijnych w sowieckich łagrach, historia sowieckich obozów koncentracyjnych, Gułag a Auschwitz, komunizm i nazizm – bracia-bliźniacy, polska literatura emigracyjna, wolna literatura rosyjska, nadzieja a historia

ABSTRACT

Hope in The House of the Dead. Meeting of Herling-Grudziński with Shalamov

The article is an attempt at a comprehensive, synthetic description of the attitude of Gustaw Herling-Grudziński (1919–2000) – a great Polish writer in exile, a prisoner of Stalinist labour camps (1940–1942), and then the author of *A World Apart* (1951) – to the work of Varlam Shalamov (1907–1982) – an eminent Russian writer who wrote in the USSR and had been a former long-term prisoner of the Soviet labour camps (1929–1931; 1937–1951). Shalamov is primarily known as the author of the brilliant, but extremely dark *Kolyma Tales* (written in 1954–1962, and published 1966–1967), autobiographical, but above all describing the state of the human being of the first half of the 20th century in extremely inhuman conditions. Eagerly reading Shalamov from the beginning of the 70s until

the end of his life, Herling sought from this Russian brotherly soul of his (whom he had obviously known from his publications only) the answers to both historical and metaphysical questions. On the one hand, the attitude and creative works of people like Shalamov proved to him that “another Russia” did exist – as a sort of “underground source” in the process of liberating of Eastern and Central Europe from the yoke of Communism – inevitable in Herling’s view. On the other hand, the Polish writer did not accept Shalamov’s extremely pessimistic picture of the world and the human being, strongly believing that there is a “hard core” in man, in Franz Kafka’s language, that cannot be eradicated by even the most inhuman system, neither Nazism nor Communism, referred to by Herling as “twin brothers.” The Polish writer finally recognized Shalamov – a convinced atheist it should be added – as a saintly person, alongside with the noteworthy figures who were so important for Europe – Father Maksymilian Kolbe, Janusz Korczak, Albert Camus or Franz Kafka.

KEYWORDS

Gustaw Herling-Grudziński, *A World Apart* by Herling, *Diary Written at Night* by Herling, Varlam Shalamov, *Kolyma Tales*, Polish translations of *Kolyma Tales*, democratic Russia, “another Russia,” Russia in Polish eyes, human behaviour in borderline situations, human behaviour of religious and non-religious people in Soviet labour camps, history of Soviet concentration camps, Gulag and Auschwitz, Communism and Nazism – twin brothers, Polish literature in exile, free Russian literature, hope and history